

УДК 811.551 + 81'366.58

А. А. Мальцева

*Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

alla.maltseva.ifl@gmail.com

ИМЕННЫЕ КЛАССЫ В ЧУКОТСКО-КОРЯКСКИХ ЯЗЫКАХ В ДИАХРОННО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

Именные классы (грамматический род) представляют собой проявление языковой сложности, чаще всего эта грамматическая категория является нефункциональным излишеством, неслучайно во многих языках мира она отсутствует. В чукотско-корякских языках исходная система именных классов строилась как двухступенчатая иерархия по параметрам личности и референтности. Высшую ступень этой иерархии занимали личные местоимения, имеющие показатель эргативного падежа, не представленный в именной парадигме. Имена существительные и остальные местоимения подразделялись на референтные и нереперентные. К референтным относились собственные имена и местоимения, кроме личных, при референции к людям. Для референтных имен в качестве эргативного падежа использовался локатив, для нереперентных – инструментальный падеж. Множественное число у референтных имен выражалось как в абсолютиве, так и в косвенных падежах, у нереперентных – только в абсолютиве. Анализ текстов на чукотско-корякских языках, записанных с конца XIX по начало XXI в., показал, что личные местоимения не обнаруживают признаков перехода в другой класс и, наоборот, этот класс не расширяется за счет имен существительных. Изменения в системе именных классов связаны со вторым уровнем иерархии: при сохранении принципов падежной маркировки за счет расширения класса референтных имен происходит постепенная смена исходно заложенного противопоставления по признаку референтности на типологически более частотные (человек – не-человек, одушевленность – неодушевленность), что указывает на некоторое упрощение системы.

Ключевые слова: чукотско-корякские языки, грамматика, именные классы, диахрония, типология.

Наличие именных классов (грамматического рода) в любом языке представляет собой явление лексической идиосинкразии, свидетельствующее о зрелости языка, что, в свою очередь, служит проявлением языковой сложности [Даль, 2009. С. 197]. Хотя грамматический род – вспомогательное референциальное средство, в некоторых случаях помогающее различить двух и более активированных референтов [Кибрик, 2003. С. 62], чаще всего эта грамматическая категория является нефункциональным излишеством, и неслучайно она отсутствует во многих языках мира. На территории Сибири грамматический род зафиксирован только в палеоазиатских языках, кетском и чукотско-корякских; в алтайских и уральских языках, составляющих большинство языков коренных народов Сибири, такой категории нет. Доказательством марги-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00296 «Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе»).

нальности данной грамматической категории является также то, что она отсутствует в таких редуцированных и упрощенных языковых системах, как пиджины, и никогда не возникает в процессе креолизации пиджинов [Trudgill, 1999. P. 137, 143].

Тем не менее именные классы в тех языках, где они есть, удивительно устойчивы, особенно грамматикализовавшиеся, имеющие словоизменительное выражение [Даль, 2009. С. 496–497]. Изменения, которые происходят в системах именных классов, не разрушают эти системы полностью, а приводят к уменьшению их сложности путем замены типологически редкого основания противопоставления на типологически более частотные.

Семантические корреляции, на которых строится система именных классов в чукотско-корякских языках, укладываются в рамки иерархии одушевленности, или иерархии агентивности, впервые описанной М. Сильверстейном [Silverstein, 1976]. Данная иерархия была дополнена Р. Диксоном и переосмыслена в единую многофакторную цепь признаков [Dixon, 1979. P. 85], в настоящее время известную в типологии как «расширенная иерархия одушевленности» [Croft, 2003. P. 130]:

- местоимения 1-го и 2-го лица >
- местоимение 3-го лица >
- собственные имена существительные >
- нарицательные имена существительные, обозначающие людей >
- прочие одушевленные нарицательные имена существительные >
- неодушевленные нарицательные имена существительные.

Чем выше вверх по иерархии, тем больше вероятность использования имени в агентивной функции, а также маркировки числовых противопоставлений, свойственных данному языку [Coggitt, 2000. P. 70]. Эта иерархия включает три отдельных, но взаимосвязанных параметра, каждый из которых формирует часть общей иерархии: *личность* (1-е и 2-е лица (локуторы, т. е. участники речевого акта) противопоставлены 3-му как не-локутору), *референтность* (местоимения стоят в иерархии выше, чем собственные имена, а они, в свою очередь, выше, чем нарицательные имена), *одушевленность* (люди > одушевленные > неодушевленные) [Croft, 2003. P. 130].

Система именных классов в чукотско-корякских языках

В исходной системе именных классов в чукотско-корякских языках, видимо, выстраивалась двухступенчатая иерархия по параметрам личности и референтности. Высшую ступень этой иерархии занимали личные местоимения, имеющие особый показатель эргативного падежа *-nan*, не представленный в именной парадигме. Имена существительные и остальные местоимения подразделялись на референтные и нереферентные. К референтным относились прежде всего собственные имена, а также вопросительные, указательные и др. местоимения при референции к людям. Все остальные имена существительные, в том числе термины родства и другие имена, обозначающие людей, названия животных, наряду с именами, обозначающими неодушевленные предметы, составляли группу нереферентных имен. Для референтных имен в качестве эргативного падежа использовался локатив, а для нереферентных – инструментальный падеж.

Личные местоимения в чукотско-корякских языках на протяжении всей истории их изучения не обнаруживают признаков перехода в другой класс, и, наоборот, этот класс не расширяется за счет имен существительных. Изменения в системе именных классов связаны со вторым уровнем иерархии: наблюдается смена исходно заложенного противопоставления по признаку референтности на оппозицию по признаку «человек – не-человек», а в некоторых диалектах – по признаку «одушевленности – неодушевленности».

Система именных классов в чукотском языке

В первоначальных описаниях чукотского языка, выполненных В. Г. Богоразом [Bogoras, 1922; Богораз, 1934], имена делятся на собственные и нарицательные, даются отдельные на-

блюдения, связанные со спецификой склонения собственных имен и выражением множественного числа.

В. Г. Богораз указывал, что при склонении собственных имен и некоторых слов, относящихся к лицам, в частности указательных и вопросительных местоимений, в дательном, творительном и местном (притяжательном) падежах «употребляется один общий суффикс *-inæ / -ena, -næ / -na*» [Bogoras, 1922. P. 701, 703; Богораз, 1934. С. 20]. О множественном числе сообщалось, что оно выражается в абсолютном и, реже, сопроводительном падежах, а в косвенных падежах либо форма множественного числа заменяется формой единственного числа соответствующего падежа, либо используются инфиксы, выражающие множественность [Богораз, 1934. С. 19]. В работе 1922 г. эти особые морфемы для выражения множественного числа у собственных имен были представлены более детально. Указывалось, что и в абсолютном падеже собственные имена имеют специфический показатель множественного числа *-(i)nti*. Форма собственных имен во множественном числе обозначает группу лиц, которая принадлежит человеку, чье имя обозначено в основе, и в которую входит он сам [Bogoras, 1922. P. 696]. Множественное число собственных имен в косвенных падежах образуется путем присоединения к основе имени «послелога» (в оригинале статьи использован термин *post-position*), восходящего к основе местоимения *-(i)rg* ‘они’ [Ibid. P. 706].

Выделение двух классов имен в работах В. Г. Богораз связано с тем, что в чукотских текстах, собранных им в конце XIX – начале XX в., нарицательные имена существительные, в том числе обозначающие людей, действительно склоняются только как нарицательные имена.

В грамматике чукотского языка П. Я. Скорика имена делятся на три склонения. Ко второму склонению относятся вопросительные, указательные и определительные и заместительные местоимения при обозначении людей и небольшая группа имен существительных: собственные имена людей, клички животных, прозвища сказочных персонажей из животного мира и внутрисемейные названия ближайших старших родственников, как правило, при непосредственном обращении. Подчеркивается, что именно для обозначения ближайших старших родственников имеются как внутрисемейные, используемые для обращения, так и общие термины родства (*ate* ‘папа’ – *ətłəʒən* ‘отец’; *əmmetə* ‘мама’ – *ətla* ‘мать’; *epə* ‘дедушка’ – *mirʒən* ‘дед’; *epəqej* ‘бабушка’ – *ɲewmirʒən* ‘бабка’; *jelʒo* ‘дядюшка’ – *ənjiw* ‘дядя’; *ətʃajqaj* ‘тетушка’ – *ətʃaj* ‘тетя’; *ənʒə* ‘старший братец’ – *əneelʒən* ‘старший брат’). Второе слово из пары относится к первому склонению вместе с остальными нарицательными существительными. У слов второго склонения единственное и множественное числа различаются во всех падежах, у слов первого склонения – только в номинативе [1961. С. 152, 177, 191].

В грамматике П. Я. Скорика впервые для чукотского языка говорится о промежуточном классе имен третьего склонения, который составляют нарицательные существительные, обозначающие людей, в том числе термины родства, кроме тех, которые относятся ко второму склонению. Чаще всего они склоняются по 1-му склонению, но в случае необходимости выразить множественное число в косвенном падеже говорящий может употребить соответствующую форму из 2-го склонения [Там же. С. 195]. Отличием 3-го склонения также является особая форма множественного числа одного из комитативных падежей, в которой есть показатель числа *ya-* – *-(ə)r(ə)-ma* [Там же. С. 201].

Существование в чукотском языке имен с нестабильным типом склонения отмечается и другими исследователями чукотского языка.

Так, Э. Спенсер, вслед за П. Я. Скориком, высказывает наблюдение о чукотских нарицательных именах, обозначающих человека, например, *tumʒətum* ‘друг’: такие имена могут оформляться как большинство нарицательных имен в единственном числе и как собственные имена во множественном числе [Spencer, 1999. С. 108].

М. Данн выделял у имен в говоре телкепских чукчей два класса, связанных с иерархией одушевленности: в высокой степени одушевленные (*high animate nouns*) и остальные (*common nouns*). Первая группа имен ограничена собственными именами, терминами родства, применяемыми для обращения (*мама, папа* и др.), фольклорными персонажами и указательными местоимениями при референции к людям. В плане склонения эти имена отличаются от осталь-

ных тем, что они маркируют число не только в абсолютиве, но и в других косвенных падежах, кроме экватива.

При этом М. Данн указывает на то, что только собственные имена и вопросительное / неопределенное местоимение *mik-* ‘кто? кто-то’ всегда склоняются по указанному правилу склонения. Названия говорящих животных, являющихся протагонистами мифологических сказок, также склоняются по образцу собственных имен, так как воспринимаются как эквиваленты собственных имен. Термины родства и указательные местоимения могут склоняться двумя разными способами [Dunn, 1999. P. 64–65, 103–104]. М. Данн высказывает мнение, что термины родства склоняются так же, как и собственные имена, когда используются по отношению к родственникам рассказчика, а не к родственникам другого человека [Ibid. P. 103].

По нашим наблюдениям, в оригинальных текстах, особенно фольклорных, существительные промежуточного класса, оформленные по 2-му склонению, встречаются редко. Так, в двух больших сборниках сказок, записанных в середине XX в. (Ятгыргын, 1963; Беликов, 1979), встретились лишь четыре таких случая, и только во множественном числе.

(1) чук., Ф50

А'ачека ныкитэ, винвэ ытлыгырык, нинэтэйкык'ин янр'атвык'ай. (Ятгыргын, 1963. С. 58)

а?аček=a nəki=te winw=e ətləy=ə=rək
 юноша=INSTR ночь=INSTR тайный=ADV.instr отец=E=LOC.pl
 n=ine=tejk=ə=qin janr=?atv=ə=qaj
 IPF=AP=делать=E=3sgS отдельный=лодка=E=DIM
 ‘Юноша ночью, втайне от родителей, делает челнок.’

(2) чук., Ф50

Аны ээкэрык ылвэлю нылгэнмык'эн. (Беликов, 1979. С. 148)

анэ ekke=rək əlwəlu n=ə=lye=nm=ə=qen
 ну сын=LOC.pl дикий олень.ABS.sg IPF=E=действительно=убить=E=3sgP
 ‘Сыновья дикого оленя всегда ну и добывали же.’

(3) чук., Ф50

[Люур к'олетылэ тан'ымыльо гакватчаленат маравынвэты], ытрьэч нэмэ ытлэн гапэлят-лен ярак н'эвыск'этырык рээн. (Беликов, 1979. С. 222)

ətr?eč neme ətlon ya=pela=t=len jara=k ŋewəsqet=ə=rək
 только снова он.ABS.sg PP=оставить=VBLZ=3sgS дом=LOC женщина=E=LOC.pl
 geen
 вместе с
 ‘[Вдруг однажды все ушли воевать], только он снова остался дома с женщинами.’

(4) чук., Ф50

Ытлыгэ, ытлыата ынк'ам ытлен'юрык гылёо нылгык'ин ытлэн. (Беликов, 1979. С. 182)

ətləy=e ətʃa=ta ənkʃam ətlenju=rək yəto=o
 отец=INSTR мать=INSTR и младший брат=LOC.pl тосковать=EQU
 n=ə=ly=ə=qin ətlon
 IPF=E=считать=E=3sgP он.ABS.sg
 ‘Отец, мать и младшие братья тосковали о нем.’

В последнем из приведенных примеров показателен ряд существительных – терминов родства в функции агенса. Два первых существительных в единственном числе оформлены инструментальным падежом, по парадигме 1-го склонения, а третье существительное во множественном числе – локативом множественного числа, по парадигме 2-го склонения.

Появление промежуточного класса имен в чукотском языке, вероятно, связано с процессом выравнивания системы. Дело в том, что проявляющееся в 1-м и 2-м склонениях противо-

поставление собственных и нарицательных имен не соответствовало важнейшей корреляции «человек – не-человек», заложенной в другой части системы. П. Я. Скорик отмечал, что в чукотском языке все имена (номинативные, вопросительные, указательные, определительные и заместительные)¹ делятся на две группы «в зависимости от того, обозначают ли они человека или другие предметы. Существительные, обозначающие человека, отвечают на вопрос *мэ-ун?* ‘кто?’ <...> Существительные, обозначающие все остальные предметы, кроме человека, независимо от того, неодушевленные они или одушевленные, отвечают на вопрос *р’энут* ‘что-кто?’» [1961. С. 138–139].

Таким образом, через формирование 3-го, факультативного, склонения в чукотском языке происходит распространение корреляции «человек – не-человек» на именное склонение.

Система именных классов в корякском языке

Сходная ситуация наблюдается и в корякском языке, но в описании корякского языка она представлена иначе.

В системе словоизменения существительных отражены категория человека / не-человека, определенности / неопределенности, числа, падежа, лица.

Существительные, обозначающие не-человека, склоняются по 1-му склонению. Существительные, обозначающие определенное, указанное лицо (имена собственные людей и индивидуализирующие слова типа *appa* ‘папа’), склоняются только по 2-му склонению. Существительные, обозначающие человека без указания на определенность названного лица, склоняются по 1-му склонению [Жукова, 1972. С. 95].

Категория определенности / неопределенности сопряжена в корякском языке с различием человек / нечеловек (лицо / нелицо). Различение определенности / неопределенности грамматически существенно в корякском языке только для существительных, обозначающих человека [Там же. С. 97–98]. Существительные, обозначающие определенное лицо, маркируются суффиксированным артиклем. Отсутствие суффиксированного артикля в словоформе, обозначающей человека, означает, что лицо, о котором идет речь, не является определенным, указанным (прежде всего принимается во внимание осведомленность слушателя).

Индивидуализирующие существительные – собственные имена людей и существительные, обозначающие единичное лицо (*wawa* ‘мама’, но не *halla* ‘мать’, *appa* ‘папа’, но не *en’pič* ‘отец’), всегда являются определенными в силу своей семантики и, соответственно, всегда имеют показатель определенности. Все остальные существительные, обозначающие человека, в связной речи употребляются или как определенные, или как неопределенные [Там же. С. 98].

Использование терминологической пары «определенность – неопределенность» для описания противопоставления в сфере именных классов корякского языка несколько затемняет картину, так как отсылает к представлению о категории детерминации, связанной с тема-рема-матическим членением предложения. В данном случае дикурсивные характеристики референтов в выборе типа склонения существительных роли не играют. Существительные относятся к тому или иному классу, и эта характеристика им свойственна в системе, а не приобретает в тексте. Другое дело, что в системе имеется потенциальная возможность выразить число референтов путем использования парадигмы склонения, свойственной референтным именам.

Как и в чукотском языке конца XIX – начала XX в., в корякских фольклорных текстах на каменском диалекте, записанных В. Г. Богоразом в начале XX в., границы именных классов не нарушаются. Показателями уникальности – совокупности оформляются только собственные имена и несколько наименований ближайших старших родственников, используемые при обращении (*appa* ‘дедушка’, *tata* ‘папа’, *tama* ‘мама’).

¹ В данной работе к именам относились все местоимения, кроме личных, имеющих особую парадигму склонения. Имена существительные в данном случае названы именами номинативными.

(5) кор., кам.; Ф00

Appa'nak nenene'la'mik. (Bogoras-Tan, 1917. P. 29)

арра=на=k n=enene=la=mək
дедушка=SG=LOC LowA=появиться=PL=1nsgP
 ‘Дедушка появился перед нами.’

(6) кор., кам.; Ф00

Gy'mta mama'nak tetei'tiñ toi'pūk. (Bogoras-Tan, 1917. P. 25)

үәттә **мама=на=k** tete=jtəŋ t=ojp=ə=k
 я.ABS.sg **мама=SG=LOC** игла=LAT 1sgS=прицепиться=E=1sgS.PFV
 ‘Я прицепился у мамы к игле.’

Все прочие термины родства в качестве агенса встречаются только в форме инструментального падежа, не различающей число референтов, несмотря на то, что контекст не всегда позволяет однозначно определить число референтов.

В первом из приводимых ниже примеров число агенса не может быть определено в рамках данного предложения, только в более широком контексте, поскольку оно не выражено в согласовательных лично-числовых показателях глагольной формы, в этом случае причастия прошедшего времени, которое при переходных глаголах согласуется только с пациенсом.

(7) кор., кам.; Ф00

Na'witqata gewñivo'len, «Qye'm-e'en». (Bogoras-Tan, 1917. P. 80)

жауәтqа=ta y=ew=ŋəvo=len qəjem-ewən
женщина=INSTR PP=сказать=INCH=3sgP ни за что-part
 ‘Женщина/ы сказала/и (ему): «Не надо (делать этого)».’

В следующем примере число агенса мы определяем исходя из общих знаний о социальных отношениях: не могут более одного мужчины одновременно жениться на одной и той же женщине.

(8) кор., кам.; Ф00

Kmi'ña gata'talen. (Bogoras-Tan, 1917. P. 80)

кәмиҗ=a ya=mata=len
ребенок=INSTR PP=присвоить=3sgP
 ‘Сын женился (на ней).’

В последнем примере число агенса выражено в глагольной форме и однозначно прочитывается как множественное.

(9) кор., кам.; Ф00

Atta'yol-ya'mka natu'la'tin. (Bogoras-Tan, 1917. P. 40)

әттәҗол=ya=mk=a na=tulhat=ə=n
на берегу=дом=NMLZ.группа=INSTR LowA=украсть=E=3sgP
 ‘Прибрежные люди украли (его).’

В текстах на каменском диалекте, записанных А. Н. Жуковой в середине XX в., наблюдается незначительное отклонение от описанного стандарта. Обнаружен один пример употребления слова *kəmiŋən* ‘ребенок, сын’ в форме дательного падежа множественного числа 2-го склонения. В единственном числе во всех случаях использования данного слова и других существительных, обозначающих людей, они встречаются только формах 1-го склонения.

(10) кор., кам., Ф50

Энан нючельжэн куйэллүжэн кэмэнэйэкэн, тит эно панэначг'энану йанвоу йунэтэк. (Жукова, 1988. Текст 29, предл. 172)

э=nan n'uče=ŋq=ə=n ku=jəl=ŋ=ə=nin
 тот=ERG тундра=ON=E=ABS.sg PRES=дать=PRES=E=3sgA+3P
 кэменə=ə=jək=ə=ŋ tit энно panəna=čhenəŋ ja=ŋvo=ŋ
 ребенок=E=PL=E=DAT чтобы тот.ABS.sg прежний=ADV POT=начать=PFV
 jun.et=ə=k
 жить=E=CV.loc

‘Он землю отдал сыну (с семьей), чтобы (самому) по-прежнему жить.’

В современном корякском языке использование форм 2-го склонения в именах, обозначающих людей, но не относящихся к референтным, связано именно с необходимостью выражения единственного или множественного числа референтов формой имени в таких синтаксических контекстах, где это значение другим способом не передается. Выявлено несколько типов таких синтаксических контекстов.

Использование показателя совокупности необходимо в конструкциях с послелогом и ад-позитивными наречиями, которые управляют формой локатива опорного имени. При обозначении единственного числа в той же конструкции суффикс уникальности не используется.

(11) кор., ГС

Омакау кымиңыйик аңаңъялай, мылав'лай... (Народовластие. 11.10.2014. № 82)

омакаŋ kəmiŋ=ə=jək аңаŋ.ja=la=j məlaw=la=j
 вместе ребенок=E=LOC.pl петь=PL=3sgS.PFV танцевать=PL=3sgS.PFV

‘Вместе с детьми пели, танцевали.’

(12) кор., ГС

Веран йичг'амйитумгыт...этатгыг'э энпичик омакау. (Народовластие. 20.02.2016. № 15. С. 6)

vera=n jičhamji=tumγ=ə=t vet.at=yəhe enjpiči=k омакаŋ
 pers=POSS.sg брат=друг=E=ABS.du работать=3duS.PFV отец=LOC вместе

‘Верины брата работали вместе с отцом.’

Использование 2-го склонения в большей степени характерно для дательного падежа адресата, как единственного, так и множественного числа, не имеющего кореферентного дейктического показателя в глагольной форме.

(13) кор., ГС

...айманау то эналлачг'ыйикыу Камчатский крайик юнэтылг'э накалинав' мыкыу 1500 пыулов'то в'аңлагыйно. (Народовластие. 09.07.2014. № 55. С. 4)

ajma=na=ŋ to əna=l=la=čh=ə=jək=ə=ŋ kamčatskij
 вождь=SG=DAT и AP=CAUS=идти=ATR=E=PL=E=DAT pers
 kraj=ə=k jun.et=ə=lh=e na=kali=na=w 1500
 pers=E=LOC жить=E=ATR=INSTR LowA=писать=3nsgP=PL
 pəŋl=o=w to waŋla=yəjŋ=o
 весть=VBLZ.получить=ABS.pl и просить=NMLZ.abstr=ABS.pl

‘Губернатору и членам правительства Камчатского края жители написали более 1500 вопросов и просьб.’

(14) кор., ГС

...кымэнуыйикыу мыткунгыийвэннуынэв' мучгинэв' кимитг'ав'... (Народовластие. 23.08.2014. № 68. С. 7)

кэтеҥ=э=jək=ə=η	mət=ku=n.γəjiv.en=η=ə=ne=w
ребенок=E=PL=E=DAT	1nsgA=PRES=показать=PRES=E=3nsgP=PL
миçу=ine=w	kimitha=w
мы.OBL=POSS.nsg=PL	одежда=ABS.pl

‘Детям мы показываем наши одежды.’

По изолированным примерам может создаться впечатление, что речь действительно идет об уникальных референтах (избранный губернатор, члены правительства, какие-то особенные дети), поэтому эти существительные оформлены показателями уникальности – совокупности.

Однако в следующем предложении того же текста о детях и в очередном тексте о губернаторе эти же слова в функции агенса склоняются как нереферентные, когда согласуются с предикатом, лично-числовой показатель которого показывает число действующих лиц. В первом из приводимых ниже примеров в предикате выражено множественное число агенса, во втором примере – единственное.

(15) кор., ГС

[*Нынвыҕ мыткопанэнатвыуволау зоякьет.*] Тут кымица лиги нэнг'ылуки зояна... (Народовластие. 23.08.2014. № 68. С. 7)

tit	кэтиҥ=a	liyi	ne=nh=ə=lη=iki
чтобы	ребенок=INSTR	действительно	LowA=CON=E=считать=IPFV

qoja=ηa
олень=ABS.sg
‘[Много рассказываем об олене/ях.] Чтобы дети знали оленя...’

(16) кор., ГС

Аймата тэйкынин йитг'атвылныгыиҥуын омакау юнэтылг'ын Паланык (Народовластие. 02.08.2014. № 62. С. 6)

ajma=ta	tejk=ə=nin	jith.at=vəlη=ə=γəjη=ə=n
вождь=INSTR	делать=E=3sgA+3P	встретить=REC=E=NMLZ.abstr=E=ABS.sg
omakaη	jun.et=ə=lh=ə=k ²	palan=ə=k
вместе	жить=E=ATR=E=LOC	pers=E=LOC

‘Губернатор провел встречу в жителями Паланы.’

Отличие от чукотского языка наблюдается в том, что при склонении имен, относящихся к промежуточному классу, могут использоваться как формы единственного, так и формы множественного числа 2-го склонения, а в чукотском языке зафиксирована только форма множественного числа.

Интересные изменения происходят в склонении русских собственных имен и фамилий. А. Н. Жукова в грамматике корякского языка писала, что для заимствованных многочленных имен нет единого способа оформления. По правилам показатели уникальности – совокупности должны присоединяться ко всем компонентам: имени, отчеству и фамилии, но в речи встречаются случаи употребления этих показателей только на одном компоненте конструкции (на фамилии в случае трехкомпонентности или на отчестве в случае двухкомпонентности) [1972. С. 102–103].

² В оригинальном газетном тексте, вероятно, опечатка, вместо ожидаемого локатива при наречии *omakaη* ‘вместе’ использована форма абсолютива.

Наши наблюдения показывают, что ситуация отличается от описанной в грамматике. В переводных текстах 1980-х гг. русские фамилии всегда склонялись по 2-му склонению, а нерусские могли оформляться показателями 1-го склонения.

(17) кор., чавч., ХПС

Бнан тыттэль гаймо гэлүлинэв' йылуык калив', калилг'у Гоголя то Тургеневынак. (Ульянова, 1989. С. 15)

ə=nan tətteɭi ɣajm=o ɣe=ɭɳ=ə=line=w jəlɳ=ə=k
он=ERG очень приятный=EQU PP=считать=E=3nsgP=PL читать=E=CV.loc
kali=w kali=lh=u **gogoli=a** to **turgenev=ə=na=k**
узор=ABS.pl писать=ATR=ABS.pl **pers=INSTR** и **pers=E=SG=LOC**
'Он очень любил читать книги, написанные Гоголем и Тургеневым.'

В современных газетных публикациях заметна тенденция по русскому образцу оставлять без изменения иноязычные женские фамилии и склонять иноязычные мужские фамилии.

(18) кор., чавч., ГС

Айгывэ мынгытҕавык ымычвиллю йиг'илгык янот ныг'ынг'элнэв' уыяҕмыллыуэн мынгыто уыяҕ гэвэгийно Александранау Трифоновнанау Уркачан. (Народовластие.11.10.2014. № 82. С. 6)

ajyve mənɣət=qav=ə=k əməčvil'u=jihily=ə=k janot
вчера 10=NUM.ord=ə=LOC октябрь=месяц=LOC впереди
nəh=ə=nhel=ne=w ɳijaq=məlləŋen mənɣət=o ɳəjaq
CON=E=статья=3nsgS=PL 2=5 10=ABS.pl 4
ɣeve=ɣəjɳ=o **aleksandra=na=ɳ** **trifonovna=na=ɳ** **urkačan**
прожить год=NMLZ.abstr=ABS.pl **pers=SG=DAT** **pers=SG=DAT** **pers**
'Вчера, 10 октября, исполнилось бы 74 года Александре Трифоновне Уркачан.'

(19) кор., чавч., ГС

Эрихынак Кастенынак йингыийвэннин кина В'эмлэкыйит. (Народовластие. 11.10.2014. № 82. С. 6)

erix=ə=na=k **kasten=ə=na=k** jə.nɣəjiv.en=nin kina wejemle=kjit
pers=E=SG=LOC **pers=E=SG=LOC** показать=3sgS+3P кино.ABS.sg pers=DEL
'Эрих Кастен показал кино о [поселке] Лесная.'

Таким образом, в корякском языке расширение сферы употребления форм 2-го склонения связано с необходимостью выражения числа референтов-людей в некоторых синтаксических контекстах. При этом используются формы как единственного, так и множественного числа.

Система именных классов в алюторском языке

Для алюторского языка описано три класса имен, которые обслуживаются двумя наборами окончаний. Показатели 1-го склонения присоединяются к именам, обозначающим не-человека. Эти имена различают числа только в номинативе (абсолютиве), но не в косвенных падежах. Показатели 2-го склонения присоединяются к именам собственным и терминам родства, обозначающим старших родственников. У этих имен числа различаются не только в абсолютиве (единственное, двойственное и множественное), но и в косвенных падежах (единственное и множественное). Прочие существительные, обозначающие человека, могут склоняться как по 1-му, так и по 2-му склонению [Кибрик и др., 2000. С. 250].

Ю. Нагаяма, вслед за А. Н. Жуковой, связывает наличие этих трех групп с категорией определенности – неопределенности: существительные, обозначающие неодушевленные предметы, являются неопределенными и склоняются по 1-му склонению, существительные второй груп-

пы (имена собственные) всегда являются определенными и склоняются по 2-му склонению, а существительные третьей группы, обозначающие людей и животных, могут быть как определенными, так и неопределенными в зависимости от контекста [Нагаяма, 2003. С. 52].

Наши наблюдения показывают, что, как и в корякском языке, с тема-рематическим членением предложения и категорией детерминации употребление показателей 2-го склонения в аллоторском языке не связано.

Обязательно оформляются по 2-му склонению любые имена собственные, даже те нарицательные имена существительные, которые используются в качестве имени собственного окказионально. Не только существительные, обозначающие людей, но также и существительные, обозначающие животных и даже природные объекты и неодушевленные предметы, являющиеся олицетворенными персонажами сказок, действующие и говорящие, как люди, получают в формах косвенных падежей числовые показатели. Другими словами, переход в группу референтных имен в аллоторском языке потенциально возможен для любого существительного.

(20) ал., с.-в., кич; ФС

Ав'инак муру нангыулавламык. (Притчина, 2005)

awi=na=k mur=u na=n=yəjul=av=la=mək
краб=SG=LOC мы=ABS.pl LowA=CAUS=знающий=VBLZ=PL=1nsgP
 'Краб нас научил.'

(21) ал., с.-в., култ.; Ф50

[То гапкавылзвивлин кэнын тыпгатык], мри В'айамынак утта гаткыплылзвивлин татыпганьылытын. (Ивтакрат, 1955. Тетрадь 12, с. 2)

mri **wajam=ə=na=k** ut=ta ya=tkəpl=ə=lqiv=lin
 потому что река=E=SG=LOC дерево=INSTR PP=ударить=E=INCHDUR=3sgP
 ta=təry.anⁱ=ŋ=ə=l?^ə=n
 DES=взбираться=DES=E=ATR=E=ABS.sg
 'И не смог медведь взбираться], потому что Река бревном ударял его, [когда он] пытался взбираться.'

(22) ал., с.-в., ан.; Ф50

...ыннун Усвиткууттынак тытталь ныктыя тулвыткынина. (Уварова, 1991)

ənŋ=in **u=svi=tku=utt=ə=na=k** tətta^l
 этот=REL.sg дерево=отрезать=ITER=дерево=E=SG=LOC очень
 n=ə=kt=ə=?a t=ulv=ə=tk=ə=nina
 QUAL=E=крепкий=E=ADV CAUS=держаться=E=IPFV=3sgA+3nsgP
 'Это бревно очень крепко их держало (букв.: Этот бревно очень крепко их держал).'

Такие же показатели получают качественные прилагательные, если они используются как имена собственные, хотя в атрибутивной функции прилагательные в аллоторском языке не склоняются.

(23) ал., ХПС

Нэг'умзинак то Нэтанузицинак загиталау, [ав'эн тэмуивэлю журав'в'и семавлаткэт]... (Килпалин, 2010. С. 206)

n=ə=ʒum=qi(n)=na=k to **n=ə=taŋqi=qi(n)=na=k**
QUAL=E=толстый=3sgS=SG=LOC и **QUAL=E=худой=3sgS=SG=LOC**
 ya=yita=laŋ
 PP=смотреть=3plP
 'Толстый и Худой посмотрели, потерявшиеся олени уже приближаются.'

³ Пример взят из популярной у аллоторцев сказки о Солнечном Вожде (Титкарым), который женился на бедной девушке, родившей ему трех прекрасных сыновей, но злая свекровь забросила их на небо, заменив дохлым вороненком, дохлым медвежонком и поленом. Все эти «дети» ожили и помогли матери вернуть настоящих детей и наказать Солнечного Вождя и его злую мать.

В устных текстах на северо-восточном диалекте алюторского языка, записанных исследователями в последние годы, оформление нарицательных существительных, обозначающих людей, показателями 2-го склонения встречается крайне редко. Так, в сборнике текстов, записанных Ю. Нагаяма [2015], такая форма встретилась всего один раз.

(24) ал., с.-в., ан.; ФС

Атун ынпыңавтык нивыткы: [«Амунут в'ыгъа мытивылъивлаткыт, кытвол ник, ынгаму йымну алныка...»] (Нагаяма, 2015. 16.28, 16.29)

atun ənp=ə=ŋav=tək n=iv=ə=tkə
так старый=E=женщина=LOC.pl LowA=сказать=E=IPFV

‘И так старушки говорят: [«Всегда и часто говорим, что не надо бояться червей»].’

Чаще других оформляются по 2-му склонению существительные, обозначающие людей, в форме дательного падежа множественного числа.

(25) ал., с.-в., выв.; ФС

q-əp.at-үə-n un'un'u-tək əpa-ŋa. (Кибрик и др., 2000. Текст 10, предл. 25)

q=əp=at=γ=ə=n un'un'u=tək əpa=ŋa
2A.OPT=суп=VBLZ=2A=E=3sgP ребенок=DAT.pl суп=ABS.sg

‘Свари детям суп.’

То, что в настоящее время основное противопоставление в сфере имени в алюторском языке смещается с референтности в сторону корреляции «человек – не-человек», подтверждается примерами из оригинальных и переводных текстов, в которых русские имена существительные – названия профессий, должностей и званий, т. е. нереферентные, но обозначающие людей, морфологически осваиваются в соответствующей референтным именам форме.

Началось это, вероятно, в послевоенный период, поскольку в текстах С. Н. Стебницкого 1928 г. такие примеры не зафиксированы, они встречаются начиная с записей И. С. Вдовина 1955 г.

(26) ал., с.-в., ветв.; Ф30

Мри прапорсыкынак гойулаллин шинна. (Сахаров, 1955. Тетрадь 9, с. 7)

mri praporsik=ə=na=k γ=ojul=al=lin winnə
потому что прапорщик=E=SG=LOC PP=знающий=VBLZ=3sgP дорога.ABS.sg

‘Потому что прапорщик выучил дорогу.’

(27) ал., с.-в.; ХПС

...əнки гамалкалылын, маңкəт итəльəн нанынваратын юнатгəрнəн художникəнак лəг'улъивəткəнын. (Килпалин, 2010. С. 207)

ən=ki γa=mal=kali=lin maŋkət it=ə=Iʔ=ə=n
тот=LOC PP=хороший=писать=3sgP как быть=E=ATR=E=ABS.sg

ŋan=in=varat=in jun.at=γəŋə=ə=n
тот=REL.sg=народ=POSS.sg жить=NMLZ.abstr=E=ABS.sg

xudožnik=ə=na=k ləʃu=lqiv=ə=tk=ə=nin
художник=E=SG=LOC увидеть=INCH-DUR=E=IPFV=E=3sgA+3sgP

‘Там хорошо изображено, как видит художник жизнь этого народа.’

Несколько иная ситуация наблюдается в южных диалектах алюторского языка. Еще А. Н. Жукова в грамматике корякского языка отмечала, что карагинцы, алюторцы и паланцы связывают категорию определенности / неопределенности не с категорией «человек – не-чело-

век», а с одушевленностью – неодушевленностью [1972. С. 98]. Это наблюдение подтверждается для южных диалектов алюторского языка, паланского и карагинского, в собственно алюторском диалекте изменения не зашли настолько далеко.

В текстах на южных диалектах все существительные, обозначающие людей, а также существительные, обозначающие животных, независимо от того, олицетворяются они или нет, склоняются по 2-му склонению.

(28) ал., ю.-з., пал.; Ф50

To тунин пилгэйуынэк унююув' гминэ. (Жукова, 1980. Текст 12, предл. 146)

to	tu=nin	pily=э=kejɣ=э=ne=k	un'un'u=w
и	съесть=3sgA+3P	горло=E=медведь=E=SG=LOC	ребенок=ABS.pl
үәм=	nine		
я=	POSS.nsg		

‘И съел голодный медведь моих детей.’

Это свидетельствует о смене исконной корреляции по референтности противопоставлением одушевленных и неодушевленных существительных по русскому образцу. Этот процесс в карагинском диалекте возник еще в начале XX в., поскольку подобные примеры встречаются в архивных документах 1930-х – 1950-х гг., причем не в устных рассказах, а в письменном тексте, в котором обычно отсутствуют спонтанные неграмматичные формы. Следующий пример взят из автобиографического рассказа карагинца М. Обухова, написанного им в письме, адресованном С. Н. Стебницкому.

(29) ал., ю.-в., кар.; Ф00

...oraw p̄hr̄pnak inivi: matka hajmo l̄ɣ̄tk̄n taɣav̄ɣ̄... (Обухов, 1932. С. 92)

oraw	p̄hr̄pnak	in=iv=i	matka
потом	мешок с жиром=E=SG=LOC	1sgP=сказать=3sgA	QUEST
hajm=o	l̄ɣ̄tk̄n	ta=ɣav=ɣ̄i	
приятный=EQU	считать=E=IPFV	VBLZ.constr=женщина=VBLZ.constr	

‘Потом священник (букв.: мешок с жиром) спросил меня: «Желаешь невесту?»’

Одушевленность – неодушевленность является настолько типологически частотным параметром, на котором строятся системы грамматического рода, что подобное движение вниз по иерархии агентивности от более редкого к более распространенному параметру (референтность > человек – не-человек > одушевленность – неодушевленность) могло бы произойти не только в условиях языковых контактов, но и при изолированном развитии языка. О таком случае сообщает, например, Г. Корбетт, описывая развитие системы грамматического рода в языке лунда, относящемся к группе банту, где класс «человек» расширился за счет включения в него одушевленных существительных, не обозначающих человека, и фактически стал классом одушевленных существительных [Corbett, 1991. С. 314].

Выводы

Именные классы (грамматический род) представляют собой проявление языковой сложности, свидетельствующее о длительной истории развития языка. Хотя грамматический род может использоваться как вспомогательное средство для разрешения референциальных конфликтов, чаще всего эта грамматическая категория является нефункциональным излишеством, поэтому во многих языках мира она отсутствует. На территории Сибири грамматический род зафиксирован только в палеоазиатских языках, кетском и чукотско-корякских.

Исходная система именных классов в чукотско-корякских языках строилась как двухступенчатая иерархия по параметрам личности и референтности. Высшую ступень этой иерархии занимали личные местоимения, имеющие показатель эргативного падежа, не представленный в именной парадигме. Имена существительные и остальные местоимения подразделялись на референтные и нереферентные. К референтным относились собственные имена, вопросительные, указательные и др. местоимения при референции к людям. Все остальные имена существительные, в том числе обозначающие людей, названия животных, наряду с именами, обозначающими неодушевленные предметы, составляли группу нереферентных имен. Для референтных имен в качестве эргативного падежа использовался локатив, для нереферентных – инструментальный падеж. Множественное число у референтных имен выражалось как в абсолютиве, так и в косвенных падежах, у нереферентных – только в абсолютиве.

Анализ текстов на чукотско-корякских языках, записанных с конца XIX по начало XXI в., показал, что личные местоимения не обнаруживают признаков перехода в другой класс, и, наоборот, этот класс не расширяется за счет имен существительных. Изменения в системе именных классов связаны со вторым уровнем иерархии: наблюдается постепенная смена исходно заложенного противопоставления по признаку референтности на оппозиции, находящиеся на иерархии агентивности ниже, чем корреляция по референтности: по признаку «человек – не-человек», а в южных диалектах алуторского языка – по признаку одушевленности – неодушевленности. Эти параметры являются семантически более простыми и встречаются в языках мира чаще, поэтому можно говорить о тенденции системы именных классов в чукотско-корякских языках к упрощению.

Изменение в системе именных классов в чукотско-корякских языках происходит путем формирования промежуточного класса нарицательных имен, обозначающих людей (в южных диалектах алуторского языка – класса одушевленных нарицательных имен). Такие имена существительные могут склоняться по парадигме референтных имен в случае необходимости в выражении числовых противопоставлений. Это особенно необходимо в синтаксических контекстах, где число референтов не выражено предикатом или другими элементами в составе именной группы.

Имена промежуточного класса (3-го склонения) в чукотском языке и в оригинальных текстах на алуторском языке могут принимать только показатели множественного числа, в переводных текстах на алуторском языке встречается употребление как единственного, так и множественного числа, в корякском языке имена промежуточного класса активно используются в формах обоих чисел.

Список литературы

Богораз В. Г. Луораветланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов Севера / Под ред. Е. А. Крейновича. М.; Л.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1934. Ч. 3: Языки и письменность палеоазиатских народов. С. 5–46.

Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности: Моногр. М.: URSS, 2009. 560 с.

Жукова А. Н. Грамматика корякского языка: Моногр. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. 323 с.

Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алуторцев: Коллект. моногр. М.: Наследие, 2000. 460 с.

Нагаяма Ю. Очерк грамматики алуторского языка: Моногр. Kyoto, 2003. 314 с.

- Скорик П. Я.* Грамматика чукотского языка: В 2 ч. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Ч. 1: Фонетика и морфология именных частей речи. 448 с.
- Bogoras W.* Chukchi // Boas F. Handbook of American Indian Languages. Washington, 1922. Pt 2. P. 631–903.
- Corbett G.* Gender. Cambridge Univ. Press, 1991. 363 p.
- Corbett G.* Number. Cambridge Univ. Press, 2000. 358 p.
- Croft W.* Typology and Universals. 2nd ed. Cambridge Univ. Press, 2003. 368 p.
- Croft W.* Typology // The Handbook of Linguistics / Eds. M. Aronoff, J. Rees-Miller. Blackwell Publ., 2003. P. 337–368.
- Dixon R.* Ergativity // Language 55. 1979. P. 59–138.
- Dunn M.* A Grammar of Chukchi: A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy of Australian National University. 1999. 208 p.
- Silverstein M.* Hierarchy of Features and Ergativity // Grammatical Categories in Australian Languages / Ed. by R. M. W. Dixon. New Jersey: Humanities Press, 1976. P. 112–171.
- Spencer A.* Chukchee and Polysynthesis // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 106–113.
- Trudgill P.* Language contact and the function of linguistic gender // Poznań studies in contemporary linguistics. 1999. Vol. 35. P. 133–152.

Список источников лингвистического материала

Bogoras-Tan, 1917 – *Bogoras-Tan W.* Koryak texts. Publications of the American Ethnological Society. Leyden, 1917. Vol. 5.; **Беликов, 1979** – Беликов Л. В. Лымн'ылтэ: Чукотские народные сказки и предания. Магадан, 1979; **Жукова, 1980** – Жукова А. Н. Язык паланских коряков. Л., 1980; **Жукова, 1988** – Жукова А. Н. Материалы и исследования по корякскому языку. Л., 1988; **Ивтакрат, 1955** – тексты, записанные И. С. Вдовиным от Ивтакрата (Варганова Максима Трифоновича), 1907 г. р. в с. Илир Олюторского р-на Камчатской обл. в августе 1955 г. Архивные материалы И. С. Вдовина хранятся в научном архиве Института антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), фонд 36, опись 1; **Кибрик и др., 2000** – Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алюторцев. М., 2000; **Килпалин, 2010** – Килпалин. Живопись, проза, письма, воспоминания. Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс», 2010; **Нагаяма, 2015** – Материалы по языку нымыланов-алюторцев. Составитель Ю. Нагаяма. Саппоро, 2015; **Народовластие** – газета, издающаяся в пос. Палана, административном центре Корякского автономного округа, приложение *Айгыт'ылг'у* 'Северяне'; **Обухов, 1932** – тексты, написанные М. Обуховым по просьбе С. Н. Стебницкого. Хранятся в Государственном архиве АН в г. Санкт-Петербурге. Фонд Института народов Севера. 1025, опись 1, № 22; **Притчина, 2005** – тексты, записанные А. А. Мальцевой от Притчиной Марии Иннокентьевны (1918 г. р., Кичига) в пос. Оссора в 2005 г. Расшифровано А. А. Мальцевой при участии А. Я. Волковой, пос. Оссора, 2005 г.; **Сахаров, 1955** – тексты, записанные И. С. Вдовиным от Сахарова Ивана Николаевича, 1893 г. р. в с. Ветвей Олюторского р-на Камчатской обл. в июле 1955 г. Архивные материалы И. С. Вдовина хранятся в научном архиве Института антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), фонд 36, опись 1; **Уварова, 1991** – тексты, записанные А. А. Мальцевой от Уваровой Евдокии Трофимовны, 1935 г. р., в пос. Оссора в 1991 г. Расшифровано А. А. Мальцевой при участии А. Я. Волковой, пос. Оссора, 1993 г.; **Ульянова, 1989** – Ульянова А. И. Детские и школьные годы Ильича. Пер. на корякский язык Г. Н. Харюткиной. Петропавловск-Камчатский, 1989; **Ятгыргын, 1963** – Лымн'ылтэ эйгыск'ыкин (Сказки севера). Собрал В. Ятгыргын. Магадан, 1963.

Список условных обозначений

Языки: ал. – алюторский; кор. – корякский; чук. – чукотский.

Диалекты: кам. – каменский; с.-в. – северо-восточный; чавч. – чавчувенский; ю.-в. – юго-восточный; ю.-з. – юго-западный.

Говоры: ан. – анапкинский; ветв. – ветвейский; выв. – вывенкский; кар. – карагинский; кич. – кичигинский; култ. – култушинский; пал. – паланский.

Грамматические значения в глоссах: 1, 2, 3 – лицо; А – агенс; ABS – абсолютив; ADV – наречие; ADV.instr – наречие на базе инструментального падежа; AP – антипассив; ATR – атрибутив; CAUS – каузатив; CON – конъюнктив; CV.loc – конверб с показателем локатива; DAT – датив; DEL – делибератив; DES – дезидератив; DIM – диминутив; du – двойственное число; E – эпентетический гласный; EQU – экватив, назначительный падеж; ERG – эргатив; INCH, inch – инхоатив; INCH-DUR – инхоатив-дуратив; INSTR – инструменталис; IPF – имперфект (настоящее II, предикатив типа «быть»); IPFV – имперфектив; ITER – итератив; LAT – латив; LOC, loc – локатив; LowA – агенс, стоящий на низшей ступени иерархии активности; NMLZ – номинализатор; NMLZ.abstr – номинализатор, образующий абстрактные существительные; NUM.ord – порядковое числительное; nsg – неединственное число; OBL – косвенная основа; ON – локализация ‘на поверхности’; OPT – оптатив; P – пациенс; part – частица; pers – имя собственное; PFV – перфектив; PL, pl – множественное число; POSS – притяжательное прилагательное, местоимение; POT – потенциалис; PP – причастие прошедшего времени (прошедшее II, предикатив типа «иметь»); PRES – настоящее время; QUAL – качественное прилагательное, наречие; QUEST – вопросительное слово; REC – реципрок; REL – относительное прилагательное; S – субъект; SG, sg – единственное число; VBLZ – вербализатор; VBLZ.constr – вербализатор с дополнительным акциональным значением (‘делать то, что обозначено основой’).

Типы текстовых источников: ГС – современные газетные публикации; Ф00, Ф50, ФС – фольклор начала XX в., 1950-х гг., современный фольклор; ХПС – современные переводы, выполненные носителями языка;

Материал поступил в редколлегию 15.11.2016

A. A. Maltseva

*Institute of Philology, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

alla.maltseva.ifl@gmail.com

NOMINAL CLASSES IN THE CHUKCHI-KORYAK LANGUAGES IN DIACHRONIC AND TYPOLOGICAL PERSPECTIVE

Nominal classes, i.e. the category of grammatical gender, are signs of language complexity; such categories are mostly functionally empty, it is not a coincidence that they are absent in most languages of the world. In the Chukchi-Koryak languages, the original system of nominal classes was organized as a two-layered hierarchy according to the typologically adjusted parameters of «personality» and «referentiality». In this hierarchy, personal pronouns in the Ergative case form, not present in

the nominal declension paradigm, possessed the highest ranking. Substantives and other pronouns were subdivided into referential and non-referential. Proper nouns and pronouns, other than personal ones, when they referred to persons, were considered to be referential. Referential nominals used Locative in the function of Ergative, non-referential Instrumental. The plural number was marked on referential nominals both in Absolutive and in oblique case forms; on non-referential ones only in Absolutive. Our analysis of Chukchi-Koryak texts recorded since the end of the 19th century until the beginning of the 21st century showed that personal pronouns did not move to another class, nor their class is getting expanded by substantives. These changes in the system of the nominal classes are linked to the second layer of their hierarchy: the original opposition of referential and non-referential nominals is being replaced by a typologically more frequent opposition of human – non-human, animate – non-animate, this indicates reduction in language complexity.

The change in the system of nominal classes in the Chukchi-Koryak language occurs through the formation of an intermediate class of common nouns denoting people (in the southern dialects of the Alutor language – a class of animate common nouns). These nouns can use the paradigm of referential nominals in such syntactic contexts where the number of references is not marked by the predicate, or other elements of the construction. The nominals of this intermediate class in the Chukchi language and in original texts on the Alutor language can only take the plural marker; in translations from Russian to Alutor, and both in original and translated texts in the Koryak language, nominals of the intermediate class are used in singular as well as in plural number form.

Keywords: Chukchi-Koryak languages, grammar, nominal classes, diachrony, typology.

References

Bogoraz V. G. Luoravetlanskii (chukotskii) yazyk [Luoravetlan (Chukchi) Language]. Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. Ch. III. Yazyki i pis'mennost' paleoaziatskikh narodov. [Languages and Writing Systems of Northern Peoples. Pt. III. Languages and Writing Systems of Paleoasian Peoples.]. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izd-vo, 1934, p. 5–46. (In Russ.)

Dahl Ö. Vozniknovenie i sokhranenie yazykovoï slozhnosti. Monografiya [The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity: A Monograph]. Moscow, URSS, 2009, 560 p. (In Russ.)

Zhukova A. N. Grammatika koryakskogo yazyka: monografiya [Koryak Grammar: A Monograph]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-ie, 1972, 323 p. (In Russ.)

Kibrik A. A. Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive. Dis. d-ra filol. nauk. [Discourse Analysis in Cognitive Perspective. Dr. phil. sci. diss.]. Moscow, 2003, 90 p. (In Russ.)

Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Murav'yova I. A. Yazyk i fol'klor alyutorsev: Kollekt. monografiya [Alyutor Language and Folklore: A Collective Monograph]. Moscow, Nasledie, 2000, 460 p. (In Russ.)

Nagayama Yu. Ocherk grammatiki alyutorskogo yazyka: Monografiya [On Alutor Grammar: A Monograph]. Kyoto, 2003, 314 p. (In Russ.)

Skorik P. Ya. Grammatika chukotskogo yazyka: V 2 ch. Ch. 1. Fonetika i morfologiya imennykh chastei rechi [Chukchi Grammar. In 2 pt. Pt. 1. Phonetics and Nominal Morphology]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961, 448 p. (In Russ.)

Bogoras W. Chukchi. Boas, F. Handbook of American Indian Languages. Part 2. Washington, 1922, p. 631–903.

Corbett G. Gender. Cambridge University Press, 1991, 363 p.

Corbett G. Number. Cambridge University Press, 2000, 358 p.

Croft W. Typology and Universals. 2-nd ed. Cambridge University Press, 2003, 368 p.

Croft W. Typology. The Handbook of Linguistics. M. Aronoff and J. Rees-Miller (eds.). Blackwell Publishers, 2003, p. 337–368.

Dixon R. Ergativity. *Language* 55. 1979, p. 59–138.

Dunn M. A Grammar of Chukchi: A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy of Australian National University. 1999, 208 p.

Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity. *Grammatical Categories in Australian Languages*. R. M. W. Dixon (ed.). New Jersey, Humanities Press, 1976, p. 112–171.

Spencer A. Chukchee and Polysynthesis. *Tipologiya i teoriya yazyka. Ot opisaniya k ob'yasneniyu. K 60-letiyu Aleksandra Evgen'yevicha Kibrika* [Language Typology and Theory. From Description to Explanation. For A. E. Kibrik's 60th Birthday]. Moscow, Yazyki russkoi kultury, 1999, p. 106–113.

Trudgill P. Language contact and the function of linguistic gender // *Poznań studies in contemporary linguistics*, 35, 1999, p. 133–152.